

Шкапенко Т. М. Конструкции с приименным генитивом качества как средство аксиологического маркирования / Т. М. Шкапенко, С. Б. Попова // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 87—100. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-87-100.

Shkapeko, T. M., Popova, S. B. (2019). Constructions with Evaluative Genitive Adnominal as Means of Axiological Marking. *Nauchnyi dialog*, 6: 87-100. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-87-100. (In Russ.).

УДК 81'37+81'367.622.15+81'366.542
DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-87-100

Конструкции с приименным генитивом качества как средство аксиологического маркирования

© Шкапенко Татьяна Михайловна (2019), orcid.org/0000-0002-6892-4205, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (Калининград, Россия), tshkapeko@kantiana.ru.

© Попова Софья Борисовна (2019), orcid.org/0000-0001-5416-0091, аспирант Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (Калининград, Россия), sofia_popova39@mail.ru.

Рассматриваются конструкции с приименным родительным падежом качества как особый способ кодирования аксиологической оценки на морфосинтаксическом уровне. Лингвоаксиологический подход к изучению данной конструкции свидетельствует о новизне и актуальности выполненного исследования. В качестве основного объекта изучения избираются конструкции типа «N им. + N род.», в которых позицию субъекта занимает существительное *человек* или другие антропонимические наименования. Обосновывается, что кодирование аксиологической оценки в рамках данной синтаксической модели базируется на реализации двух основных типов посессивности: обладания и принадлежности. Устанавливается зависимость характера и интенсивности оценки от семантико-синтаксической структуры сочетания. Как обладающие наибольшим аксиологическим потенциалом описываются инверсированные конструкции типа *человек чести*, в которых характеризующее свойство обретает статус неотторжимой ценности, а сам субъект выступает в роли его эталонного носителя. Авторы утверждают, что заключенная в конверсивах позитивная оценочность обуславливает их функционирование в роли прескриптивных языковых концептов или идеологем. Отмечается, что меньший аксиологический потенциал при оценочной разнополюсности присущ конструкциям с переносным значением посессивности, в которых оценка человека происходит посредством указания на его принадлежность к месту, времени или к роду деятельности (*человек эпохи, человек года, человек шоу-бизнеса*).

Ключевые слова: лингвоаксиология; аксиологический маркер; родительный падеж качества; приименный родительный падеж; посессивные конструкции.

1. Введение

Лингвоаксиология относится к сравнительно новым направлениям языкознания, опирающимся на достижения в области лингвокультурологии, лингвоконцептологии, этнолингвистики, межкультурной коммуникации и других лингвистических дисциплин. Выделение лингвоаксиологии в самостоятельную отрасль научно-исследовательских знаний связано с постановкой задачи создания общей теории языковой оценки, нацеленной на определение типов оценочных значений и способов их языковой реализации. Вполне очевидно, что важность данной задачи возрастает в настоящий период «в связи с глобализацией, стремлением к унификации всего и вся, бездумным увлечением американской массовой культурой и радикальным изменением общественного сознания и поведения» [Трапицына, 2010, с. 4]. В этой ситуации возможность выявления ценностных ориентаций и установок общества на основе изучения языковых фактов приобретает не только теоретическую, но и практическую значимость.

Основными понятиями лингвоаксиологической проблематики являются «ценность», «оценка» и «оценочность», разграничение которых представляется необходимым с точки зрения формирования собственного понятийно-терминологического аппарата лингвоаксиологии. Если понятия оценки и ценности можно отнести к междисциплинарным, то *оценочность* — сугубо лингвистический термин. Прежде всего отметим, что ценность является непосредственным результатом оценки, которая, в свою очередь, представляет собой результат когнитивных операций, направленных на определение отрицательных или положительных свойств оцениваемого объекта. Получаемая в результате оценка служит когнитивной базой для формирования ценности как собственно аксиологического понятия.

Следует принимать во внимание, что значительная часть произведенных когнитивных операций по оцениванию различных объектов или ситуаций хранит свои результаты в языковых единицах в виде особых квалификативных значений. Это приводит к тому, что выражение отношения к объекту оценки в условиях реальной коммуникации зачастую сводится к выбору коммуникантом того или иного элемента из общего арсенала языковых средств, соответствующего определенной референтной ситуации. Как указывает В. А. Марьянчик, оценочность может быть описана как «потенциал слова или словосочетания, их способность эксплицировать положительные и отрицательные свойства объекта, его фиксацию на оценочной шкале, его место в аксиологическом поле» [Марьянчик, 2005, с. 7].

Принято считать, что в той или иной степени оценочность находит свое выражение на всех уровнях языковой системы, однако к наиболее продуктивным способам выражения оценки в языке чаще всего относят лексические средства (см. подробнее [Атлас, 2012, с. 3—6]). Следует, однако, отметить, что значительная часть лексических единиц содержит оценочный компонент в словообразовательных формантах, представляющих особую систему специализированных средств квалификативной оценки. Не случайно В. В. Лопатин ставит данный уровень на первое место в ряду грамматических средств выражения оценочных значений: «1. Словообразовательные средства (суффиксы, префиксы) — средства так называемой субъективной оценки в сфере имен и отчасти средства модификации глагольного действия; 2. Особые употребления категориальных морфологических форм; 3. Построения с определенными служебными словами, прежде всего с модальными частицами и их аналогами; 4. Построения с модальными (в том числе вводными) словами; 5. Средства словопорядка и интонации» [Лопатин, 2007, с. 538]. В составе ориентированных на выражение оценки морфологических категорий В. В. Лопатин выделяет три группы: 1. Категории, «первично служащие выражению оценки» (степени сравнения, наклонения); 2. Категории, обладающие достаточно широким спектром оценочных употреблений (вид, время, лицо, число); 3. Категории, оценочный потенциал которых минимален, хотя он тоже есть (падеж, род, залог) [Там же, с. 538—539].

В нашей работе речь пойдет о специфической падежной категории, первично служащей выражению оценки и, следовательно, выполняющей функцию аксиологического маркера. Сочетания типа *человек чести*, *man of power* (англ.), *homme de dignité* (франц.), *człowiek honoru* (польск.), *muž odvahy* (чешск.), *muž poguma* (словенский) и им подобные кодируют на семантико-синтаксическом уровне отношение языкового коллектива к определенным качествам человека, относимым к наиболее значимым и достойным уважения во всеобщей иерархии ценностей. Несмотря на явную оценочную составляющую в генитивных конструкциях с существительным *человек* в позиции определяющего члена, их изучение направлено преимущественно на выявление причин отсутствия в их составе атрибутивной характеристики при ее облигаторности в сочетаниях типа *человек (высокого) роста*, *человек (глубокого) ума* и т. п. В данной работе мы ставим перед собой цель описать механизм образования сочетаний с приименным генитивом как способ кодирования посредством особой морфологической структуры ценностных установок, характерных для различных этносоциумов в определенные периоды социально-исторического развития.

2. Различные подходы к изучению конструкций с приименным родительным падежом

Наиболее общее значение приименного родительного падежа было описано А. А. Шахматовым как «зависимое состояние субстанции от субстанции господствующей, выраженной в субъекте; различные оттенки в значении родительного падежа обусловлены характером тех отношений, в которых может стоять зависимая субстанция от субстанции господствующей» [Шахматов, 2001, с. 313—314]. В «Русской грамматике» к числу основных значений относятся 1) субъектное, 2) объектное, 3) определительное, в рамках которых выделяются другие, видовые их значения [Шведова, 1980, с. 481]. Наиболее полно анализ функций приименного родительного падежа представлен в работе А. П. Леонтьева [Леонтьев, 2008, с. 73—74]. В целом к родительному определительному принято относить родительный принадлежности (*книга Петра*), родительный субъекта (*победа Петра I*), объекта (*чтение книги*), родительный носителя признака (*честь Петра*), качественного определения (*человек необыкновенной храбрости, человек большого ума*).

Изучение генитивных конструкций качественного определения в трудах различных лингвистов направлено, в первую очередь, на выявление типологических оснований, позволяющих им функционировать только при условии наличия при существительном в родительном падеже атрибутивной характеристики. Парти и Борщев усматривают причины нередуцируемости третьего члена в особенностях семантики определяемых им слов. Данные слова описываются лингвистами как имена параметрические (*рост, цвет* и т. п.), требующие наличия прилагательного, устанавливающего значение параметра (*высокий, зеленый, ...*) [Partee, Borschev, 2012].

П. В. Гарашенков, основываясь на анализе примеров определенного типа, объединяющих неодушевленное существительное с характеристикой материала, из которого оно сделано (*стол карельской березы*), а также на факте недопустимости в русском языке сочетаний типа *человек глупости*, приходит к выводу о нерелевантности семантических объяснений и предлагает синтаксическое обоснование облигаторности определяющего члена, сущность которого сводится к обнаружению автором адъективной природы существительных, занимающих позицию генитива качества. В качестве доказательств приводится возможность их препозитивного употребления (*все эти потрясающей роскоши старые издания*), вступление в сочинительную связь (*огромные и всегда отличного качества фотографии*), употребление в позиции вторичного предиката (*Девушка была удивительной красоты*) и другие аргументы синтаксического свойства [Гарашенков, 2016].

Нерешенным при этом остается один вопрос: если генитив качества в данных конструкциях является латентным адъективным образованием, то чем обусловлена столь жесткая облигаторность присутствия при нем еще одной атрибутивной характеристики? Гращенков объясняет данный феномен тем, что «имена в русских генитивах качества не вносят никакого семантического вклада в результирующий тип данной проекции. Таким образом, присутствие прилагательных необходимо потому, что они предписывают всему генитиву качества предикатный тип <е,t>» [Там же, с. 466]. Обе части приведенного выше разъяснения представляются довольно спорными: утверждать асемантическую именную часть генитива означает лишить всю генитивную конструкцию семантической опоры, — определяемого объекта, нуждающегося в облигаторной предикации.

Различные объяснения феномена обязательного присутствия третьего члена в конструкциях данного типа предлагают польские лингвисты. Так, Ф. Хайнц описывает функцию качественного генитива как обозначение степени признака, которым обладает субъект, а общий смысл сочетания передает с помощью транспозиций, включающих прилагательное с соответствующим наречием степени, например, *człowiek wielkiego umysłu — bardzo mądry człowiek* (человек большого ума — человек очень умный), либо сложного существительного (*człowiek wielkiego ducha — wielkoduszny*) [Heinz, 1965, p. 101]. А. Мирович, на основании возможности преобразования данных сочетаний в форму сложного прилагательного, считает обоснованным относить данные синтаксические образования к типу бахуврихи, под которым в индоевропейской лингвистике принято понимать сложное слово, называющее человека или предмет по характеризующим его признакам [Miłowicz, 1949, s. 76—78]. Интересно, что само слово *бахуврихи*, от которого происходит термин, составлено на основе соединения ономазиологических признаков «рис» (*-vrihi*) и «богатый» (*bahu-*).

З. Клеменевич, описывая подчинительные сочетания двух существительных с облигаторным определением при зависимом члене в польском языке (*człowiek wielkiego umysłu, dziewczyna o niebieskich oczach, człowiek z wyostrzonym nosem*), характеризует их как неразрывные, или неделимые, сочетания (*skupienia nierozdzielne*); связь между членами такого сочетания настолько сильна, что редукция одного из них — определения при втором существительном — встречает сопротивление языкового материала [Klemonsiewicz, 1963, s. 30]. Лингвист подчеркивает невозможность опущения прилагательного в этих конструкциях, поскольку его редукция превращает фразу в бессмысленную [Ibid., s. 13]. М. Новак, однако, указывает, что это утверждение нельзя признать абсолютным, так как при заме-

не первого члена словом другой семантической категории существование осмысленных сочетаний представляется все же возможным. В доказательство приводятся сочетания *ученый мировой славы* (*uczony światowej sławy*), в котором редукция определения невозможна, и *вкус (мировой) славы* (*posmak światowej sławy*), где вполне допустимо сочетание *вкус славы*. Заметим, однако, что последнее сочетание представляет собой метафору, построенную на употреблении родительного падежа объекта, допускающего функционирование как с определением, так и без него (ср., к примеру, метафорическое *запах (больших) денег*).

В своем обширном труде М. Новак излагает результаты системного изучения (посредством дистрибутивного и трансформационного методов анализа) различных сочетаний в польском языке, относимых к неделимым. На их основе автор выявляет причины невозможности редукции атрибутивного члена в генитивных конструкциях, усматривая их в особенностях семантики определяемого существительного. Невозможность их редукции находит простое и естественное объяснение в том, что подчиненный член обозначает некую имманентную характеристику определяемого члена. В данной атрибуции речь всегда идет о тех чертах или признаках, которые в обязательном порядке содержит десигнат. Без атрибутивной характеристики такие конструкции приближены к тавтологии: *женщина роста, человек ума*. В связи с этой имманентностью, связывающей N 2 и N 1, сама детерминанта выбора лексем, способных выступать в качестве N 1 или N 2, весьма ограничена и строго определена, откуда и проистекает очень незначительная продуктивность такой синтаксической модели [Nowak, 1973, s. 141—143].

Однако в некоторых случаях, указывает далее автор, атрибутивный признак преднамеренно опускается, что придает сочетанию особый, причем обязательно положительный (!) оттенок значения. Таким образом, пустота (отсутствие структурного компонента) становится семантически значимым элементом. Таких сочетаний в польском языке немного: *człowiek charakteru, pracy, czynu, walki, serca, religii* (человек характера, труда, действия, борьбы, сердца, религии), два последних маркируются автором как устаревшие [Ibid., s. 143].

3. Морфосинтаксические основы реализации аксиологического потенциала в генитивных конструкциях

Признавая справедливость выводов о семантических основаниях нередуцируемости определения, заметим, однако, что не все синтаксически зависимые существительные в приведенных автором примерах можно

отнести к имманентным характеристикам человека. Если *характер* или *сердце* (как метафорический контейнер доброты) условно можно причислить к таковым, то другие существительные обозначают определенные действия или сферы деятельности, в которых человеку свойственно реализоваться — от конкретной профессиональной области (*человек религии*) до активных процессов, обозначаемых с помощью отглагольных существительных — *действие, труд, борьба*. В отличие от конструкций *человек (большого, доброго) сердца* или *человек (сильного) характера* в случае сочетаний с вышеуказанными словами нельзя предположить существование исходных конструкций с атрибутивной характеристикой. Конструкций типа *человек (какого?) действия, человек (какой?) борьбы, или человек (какого?) труда* не существует ни в польском, ни в русском языке.

Однако все вышеуказанные лексемы естественным образом функционируют в генитивных конструкциях притяжательного типа в значении объекта обладания: *труд человека, честь человека, сердце человека*¹. В данных сочетаниях посессор выражен существительным в форме родительного падежа субъектного значения. При синтаксической инверсии *человек труда, человек чести* и т. п. возникает эффект синтаксического смещения посессивности, человек становится в позицию объекта обладания по отношению к той черте характера, которая занимает позицию субъекта. Иначе говоря, в инверсивной проекции уже не выделяемый признак принадлежит человеку, а, скорее, сам человек принадлежит ему и обнаруживает устойчивую зависимость по отношению к данному признаку или качеству. Направление посессивного отношения «объект обладания (существительное со значением свойства, черты или деятельности) — посессор (человек)» меняется на противоположное: «объект обладания (человек) — посессор (черта, свойство, деятельность)»².

Если М. Новак указывала на имманентность как специфическую особенность существительных в родительном падеже качества, что и обуслов-

- 1 Небезынтересным представляется отнесение И. М. Сушковой конструкций данного типа к одной общей модели: «человек / животное — часть его тела». В позиции посессора выступают существительные лексико-семантической группы антропонимов и зоонимов. В позиции объекта, помимо наименований частей тела, также могут выступать наименования других «физических составляющих» (внутренних органов), а также наименования ближайших к человеку абстрактных сущностей, «расположенных внутри» тела: душа, совесть, разум, сознание» [Сушкова, 2007, с. 121].
- 2 В данной работе мы рассматриваем категорию посессивности в широком смысле, вслед за Е. А. Селивановой, подразделяющей посессивные отношения на традиционные (посессивность, принадлежность, обладание, владение, собственность) и нетрадиционные (ассоциативность, аттрактивность, посессивное наличие, *appartance*) [Селиванова, 2012].

ливают невозможность их редукции в составе генитивной конструкции, то в случае инверсивных сочетаний *человек чести* и т. п., возникает эффект своего рода «имманентизации» выделенного синтаксически свойства или черты личности. В результате признак начинает рассматриваться как неотъемлемая, неотчуждаемая характеристика его носителя, более того, сам носитель становится эталонным представителем приписываемого ему признака. Таким образом, именно инверсивность посессивных генитивных конструкций обуславливает наличие в них аксиологического компонента, подчеркивающего высокую значимость выделенного свойства в системе ценностей данного языкового коллектива.

Инверсивная структура конструкции определяет ее идиоматический характер, достигающий степени фразеологизации в таких сочетаниях, как *человек дела* или *человек слова*. В основе их возникновения лежит своего рода эксплицитная метонимия, когда существительное с конкретным денотативным содержанием используется в качестве основного ономазиологического признака, характеризующего человека. Получаемые в результате такого акта номинации сочетания фигурируют уже как фразеологические сочетания, идиоматический характер которых определяется также тем, что предполагает использование зависимого слова только в одном определенном контексте. Так, *человек слова* вовсе не обозначает человека, предпочитающего говорить, в отличие от *человека дела*, для которого деловая активность является основополагающими принципом и формой существования. Нацеленность конструкций данного типа исключительно на положительную аксиологизацию выражается в данном конкретном случае в том, что из различных форм отношений человека со словом избирается верность данному обещанию. По законам данной конструкции происходит семантико-синтаксическое свертывание конструкции с тривиальным эксплицитным содержанием «человек, который хранит верность данному слову» в сжатую двухсловную номинацию, имеющую явную аксиологическую интенциональность.

Инверсивный характер посессивных конструкций в сочетаниях данного рода косвенным образом подтверждается наличием генитивных конструкций с существительными, выражающими оценочность посредством указания на темпоральную принадлежность определяемого члена (человека): *человек (своей) эпохи*, *человек (своего) времени* и др. Структурную позицию ассоциативного посессора занимают здесь неодушевленные существительные, указывающие на временной локус существования человека.

В них отсутствует прямое указание на конкретную, присущую некоему индивидууму черту, напротив, имеет место релятивная референция, которая в обобщенном виде отсылает к совокупности тех свойств, которые

приписываются тому или иному времени. Так, *человек (эпохи) просвещения* вызывает ассоциации с разносторонностью и гармонией творческой личности, в то время как *человек средневековья*, напротив, отсылает к эпохе засилья ортодоксальных религиозных взглядов, косности и мракобесия. В данных сочетаниях человек уже предстает как типичный носитель черт, свойственных его времени в целом, в связи с чем аксиологический вектор номинаций определяется в зависимости от сформировавшегося целостного образа соответствующей социокультурной среды. Примечательно, что наличие в конструкции данного типа притяжательного местоимения *свой* (*человек своего времени*) указывает лишь на зависимость индивидуума от характерной для его эпохи системы ценностей и ориентиров, в то время как конструкции без притяжательных местоимений (*человек эпохи*) выполняют функцию положительного аксиологического маркера.

Данный тип оценочных номинаций подвергается семантической конкретизации в конструкциях *человек (учитель, бизнесмен, врач и т. п.) года*. Сужение временного отрезка приводит к появлению значения 'лучший (человек, учитель и т. п.) года'. Примечательно, что опущение характеристики *лучший* становится средством интенсификации аксиологического компонента: значимость оценки в безатрибутивном сочетании выше, нежели в неэллиптированной конструкции. Данный эффект можно наблюдать и в семантически сходных сочетаниях с другими существительными: *событие года, песня года* и т. п. Растущая частотность употребления сочетаний данного типа является прямым отражением ранжирования достижений, характерного для общества с конкурентной рыночной экономикой и культом индивидуалистического успеха.

Наименьшая степень аксиологизации свойственна генитивным конструкциям с существительными, характеризующими человека на основании локуса его проживания или деятельности. При этом локализация может осуществляться на основе указания конкретного места, где обитает или трудится данный человек (*человек севера, труженики моря, труженики полей и огородов*), либо посредством прямого обозначения его профессиональной сферы (*человек шоу-бизнеса*). Очевидно, что для таких сочетаний характерна потенциальная оценочность, не имеющая столь однозначного, прескриптивного характера, как это свойственно инверсивным конструкциям типа *человек чести* или *человек дела*. В то же время для отдельных номинаций, особенно метонимического характера (*человек улицы*), характерна явная субъективная оценочность.

Таким образом, различные типы посессивных генитивных конструкций, в которых оценка человека осуществляется посредством указания

на характер его взаимоотношений с чертами или свойствами собственной личности либо с локусом его деятельности / проживания, представляют собой морфологические средства кодирования определенных ценностных установок. Выполнение различными типами генитивных сочетаний функций аксиологического маркирования представим в таблице (табл.).

Таблица

Функции аксиологического маркирования в различных типах генитивных конструкций

Тип структуры (примеры)	Характер номинации	Значение существительного в Род. П.	Характер референции	Характер аксиологизации
Структура с обязательным третьим членом (генитив качественного определения): <i>человек большого ума, человек высокого роста</i>	Прямая (эксплицитная) номинация	Имманентная характеристика человека (психических/физических свойств)	Конкретная референтная соотнесенность	Разнополюсный (параметрическая квалификация признака)
Субстантивно-субстантивное сочетание инверсивного типа: <i>человек чести, человек слова</i>	Идиоматизированная (фразеологическая) номинация	Характеристика свойств личности или типичных для нее форм активной деятельности как неотъемлемого свойства ее носителя	Конкретная / открытая референтная соотнесенность	Экспрессивная положительная аксиологизация
Субстантивно-субстантивное сочетание (<i>человек эпохи, человек года</i>)	Идиоматизированная номинация методического характера	Темпоральная характеристика	Конкретная / открытая референтная соотнесенность	Разнополюсная аксиологизация
Субстантивно-субстантивное сочетание (<i>человек сцены, шоу-бизнеса</i>)	Прямая номинация или идиоматизированная номинация на основе метонимии	Локативная или профессиональная характеристика	Конкретная / открытая референтная соотнесенность	Разнополюсная аксиологизация

4. Заключение

Таким образом, генитивные конструкции со значением качественной оценки представляют собой способ интенционального аксиологического кодирования на синтаксическом уровне. Заложённая в семантической инверсии мощная положительная оценочность обуславливает использование конструкций данного типа в качестве идиом, задающих ценностную ориентацию человека в рамках определенных социально-экономических формаций. Если для дореволюционного периода характерно использование в качестве положительных прескриптивных маркеров таких сочетаний, как *человек принципа, чести, слова*, то в условиях построения социализма рождаются новые идеологемы: *человек труда, человек подвига, человек коммунизма*. Очевидно, что количество таких характеристик не столь велико, но все они являются стабильными элементами культурно-языковой среды и показывают, какие параметры личности являются релевантными для системы ценностей определенных этносоциумов в различные исторические периоды. Это свойство позволяет делать выводы о дальнейших перспективах исследования приименного генитива качества в диахронической и кросс-культурной перспективах.

Литература

1. *Атлас И. А.* Синтаксические средства выражения эмоциональной оценки / И. А. Атлас // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. — 2012. — № 11. — С. 3—6.
2. *Гращенков П. В.* Синтаксическая и семантическая типология генитива: генитив качества как носитель адъективного признака (на материале русского языка) / П. В. Гращенков // Архитектура клаузы в параметрических моделях : синтаксис, информационная структура, порядок слов. — Москва : ЯСК, 2016. — С. 444—467.
3. *Леонтьев А. П.* Формальный анализ атрибутивных именных групп в перспективе конструкций с внешним посессором : диссертация ... кандидата филологических наук / А. П. Леонтьев. — Москва, 2008. — 238 с.
4. *Лопатин В. В.* Оценка как объект грамматики / В. В. Лопатин // Многогранное русское слово : избранные статьи по русскому языку. — Москва : Азбуковник, 2007. — С. 536—542.
5. *Марьянчик В. А.* Аксиологическая функция неологизмов медиа-политического дискурса (на материале газетных публикаций начала XXI века) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / В. А. Марьянчик. — Архангельск, 2005. — 18 с.
6. *Русская грамматика* / ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1980. — Т. 1. — 783 с.
7. *Селиванова Е. А.* Категоризация посессивности в русском сознании и языке / Е. А. Селиванова // Ученые записки Таврического национального университета

им. В. И. Вернадского. Серия, Филология. Социальные коммуникации. — 2012. — Т. 25 (64). — № 1, Ч. 1. — С. 410—416.

8. *Сушкова И. М.* О некоторых средствах выражения посевивных отношений в современном русском языке / И. М. Сушкова // Вестник ВГУ. Серия, Филология. Журналистика. — 2007. — № 2. — С. 117—121.

9. *Трапицына О. Г.* Аксиологический принцип изучения русской прозы XX столетия в общеобразовательной школе: на материале творчества М. А. Шолохова : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук / О. Г. Трапицына. — Москва, 2010. — 25 с.

10. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. — Москва : Эдиториал УРСС, 2001. — 624 с.

11. *Heinz A.* System przypadkowy języka polskiego / A. Heinz. — Kraków : Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1965. — 419 s.

12. *Klemensiewicz Z.* Zarys składni polskiej / Z. Klemensiewicz. — Warszawa : PWN, 1963. — 133 s.

13. *Mirowicz A.* O grupach syntaktycznych z przydawką / A. Mirowicz. — Toruń : Nakładem Towarzystwa Naukowego w Toruniu, 1949. — 128 s.

14. *Nowak M.* Tak zwane skupienia nierozzerwalne w dzisiejszej polszczyźnie pisanej / M. Nowak // Acta Universitatis Nicolae Copernicis, Filologia Poska. — Toruń : Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1973. — Zeszyt 57. — S. 117—157.

15. *Partee B. H.* Sortal, relational, and functional interpretations of nouns and Russian container constructions / B. H. Partee, V. Borschev // Journal of Semantics. — 2012. — Vol. 29. — P. 445—486.

Constructions with Evaluative Genitive Adnominal as Means of Axiological Marking

© **Tatyana M. Shkapenko (2019)**, orcid.org/0000-0002-6892-4205, Doctor of Philology, associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), tshkapenko@kantiana.ru.

© **Sofya B. Popova (2019)**, orcid.org/0000-0001-5416-0091, PhD student, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), sofia_popova39@mail.ru.

Constructions with adnominal evaluative genitive are considered as a specific way of encoding the axiological scores on the morphosyntactic level. The linguo-axiological approach to the study of this construction indicates the novelty and relevance of the study. Constructions of type "N nom. + N gen." in which the position of subject is taken by the noun *man* or anthroponymic nouns are selected as the main object of study. It is proved that the coding of axiological evaluation in the framework of this syntactic model is based on the implementation of two main types of possessiveness: possession and belonging. The dependence of the character and intensity of evaluation on the semantic-syntactic structure of the combination is established. Inverted constructions like *man of honor*

in which the characteristic property acquires the status of an inalienable value, and the subject itself acts as its reference carrier are described as having the greatest axiological potential. The authors claim that positive attitude in converses determines their functioning in the role of prescriptive linguistic concepts or ideologemes. It is noted that the smaller axiological potential within the estimative polarity is inherent in constructions with a figurative meaning of possessiveness, in which the assessment of a person occurs by indicating his belonging to the place, time or occupation (*man of the era, man of the year, man of show business*).

Key words: linguistic axiology; axiological marker; evaluative genitive; genitive adnominal; possessive construction.

References

- Atlas, I. A. (2012). Sintaksicheskiye sredstva vyrazheniya emotsionalnoy otsenki. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kultura*, 11: 3—6. (In Russ.).
- Grashchenkov, P. V. (2016). Sintaksicheskaya i semanticheskaya tipologiya genitiva: genitiv kachestva kak nositel adyektivnogo priznaka (na materiale russkogo yazyka). In: *Arkhitektura klauzy v parametricheskikh modelyakh: sintaksis, informatsionnaya struktura, poryadok slov*. Moskva: YaSK. 444—467. (In Russ.).
- Heinz, A. (1965). *System przypadkowy języka polskiego*. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Klemensiewicz, Z. (1963). *Zarys składni polskiej*. Warszawa: PWN.
- Leontyev, A. P. (2008). *Formalnyy analiz atributivnykh imennykh grupp v perspektive konstruktivnykh s vneshnim possessorom: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Lopatin, V. V. (2007). Otsenka kak obyekt grammatiki. In: *Mnogogrannoye russkoye slovo: izbrannyye statyi po russkomu yazyku*. Moskva: Azbukovnik. 536—542. (In Russ.).
- Maryanchik, V. A. (2005). *Aksiologicheskaya funktsiya neologizmov media-politicheskogo diskursa (na materiale gazetnykh publikatsiy nachala XXI veka): avtoreferat dissertatsii... doktora filologicheskikh nauk*. Arkhangelsk. (In Russ.).
- Mirowicz, A. (1949). *O grupach syntaktycznych z przydawką*. Toruń: Nakładem Towarzystwa Naukowego w Toruniu.
- Nowak, M. (1973). Tak zwane skupienia nierozzerwalne w dzisiejszej polszczyźnie pisanej. In: *Acta Universitatis Nicolae Copernicis, Filologia Poska*. 57 Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika. 117—157.
- Partee, B. H., Borschev, V. (2012). Sortal, relational, and functional interpretations of nouns and Russian container constructions. *Journal of Semantics*, 29: 445—486.
- Selivanova, E. A. (2012). Kategorizatsiya possessivnosti v russkom soznanii i yazyke. *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya, Filologiya. Sotsialnyye komunikatsii*, 25/1: 410—416. (In Russ.).

- Shakhmatov, A. A. (2001). *Sintaksis russkogo yazyka*. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
- Shvedova, N. Yu. (ed.). (1980). *Russkaya grammatika, 1*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Sushkova, I. M. (2007). O nekotorykh sredstvakh vyrazheniya possessivnykh otnosheniy v sovremennom russkom yazyke. *Vestnik VGU. Seriya, Filologiya. Zhurnal-istika*, 2: 117—121. (In Russ.).
- Trapitsyna, O. G. (2010). *Aksiologicheskiy printsip izucheniya russkoy prozy XX stoletiya v obshcheobrazovatelnoy shkole: na materiale tvorchestva M. A. Sholokhova: avtoreferat dissertatsii... kandidata pedagogicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).